

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

ДОФИННО-УГОРСКАЯ ГИПОТЕЗА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дискуссия о происхождении субстратной топонимики русского Севера привела к столь очевидному противопоставлению точек зрения, что, по-видимому, назрела серьезная необходимость в критическом анализе аргументов сторон. В то же время Б. А. Серебrenников прав, перенося спор в область методики исследования, так как различные результаты изучения субстратной топонимики объясняются разным подходом к анализу топонимического материала. Поэтому настоящая статья посвящена прежде всего обсуждению методической стороны проблемы.

Нет необходимости излагать историю вопроса, которая неоднократно рассматривалась в ходе дискуссии. Напомним только, что Б. А. Серебrenников отрицает наличие финно-угорских элементов в топонимике русского Севера и считает субстратные географические названия, распространенные на этой территории, нефинно-угорскими. Другие исследователи — А. Шёгрэн, А. Кастрен, М. Фасмер, Я. Калима, А. И. Попов, А. Соважо, а также автор — придерживаются иной точки зрения, полагая, что русским на Севере предшествовало финно-угорское, точнее прибалт.-ф.-пермское (прибалтийско-финно-пермское), население, при этом М. Фасмер и автор статьи допускают возможность существования в топонимике русского Севера и нефинно-угорских элементов.

Материал для этой статьи извлечен из картотеки субстратной топонимики русского Севера, находящейся при кафедре русского языка и общего языкознания Уральского гос. университета им. А. М. Горького, а лингвогеографические данные — из «Материалов для атласа субстратной топонимики русского Севера», составление которых будет завершено в ближайшее время.

Некоторые аспекты проблемы, исследованные автором в ранее опубликованных работах¹, в статье не рассматриваются (в необходимых случаях даются ссылки).

¹ А. К. Матвеев, Историко-этимологические разыскания I. Из опыта изучения севернорусской топонимики на *ныга*. — Ученые записки Уральского гос. университета, вып. 36, Свердловск 1960, стр. 85—120; его же, О некоторых севернорусских топонимических типах. — Лингвистический сборник, вып. 1, Свердловск 1963, стр. 71—83; его же, Некоторые итоги изучения севернорусской субстратной топонимики финно-угорского происхождения. — Тезисы докладов и сообщений к Всесоюзной конференции по вопросам финно-угорского языкознания, Ужгород 1963, стр. 22—26; его же, Субстратная топонимика русского Севера. — ВЯ 1964, № 2, стр. 64—83; его же, О древнем расселении самодийцев по данным топонимики. — Топонимика Востока, Москва 1964, стр. 101—115; его же, Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье? — СФУ I 1965, стр. 207—212.

Концепция Б. А. Серебренникова в последнее время претерпела некоторые изменения. Если сначала он выделял, например, «речной суффикс» *ga* в таких топонимах как *Сойга*, *Лоптюга*, *Ваймога*, *Мудьюга*, *Онега*, *Соймога*, *Ельга*, *Паденьга*, *Нименьга*, *Ваймуга*, *Нореньга*², то в последних своих работах оперирует топонимами *еньга*, *юга*, *уга*, *ега*.³ Эта эволюция, очевидно, вызвана тем, что некоторые стороны вопроса, касающиеся, в частности, типологической классификации севернорусских субстратных топонимов и распространения отдельных типов, получили уже настолько полную разработку, что не считаются с ней невозможно. Тем не менее сущность гипотезы, которую защищает Б. А. Серебренников, сохранилась без особых изменений: вся субстратная топонимика русского Севера объявлена нефинно-угорской, а следовательно, дофинно-угорской, поскольку финно-угры, точнее прибалт.-ф.-пермские народы, сменили здесь какое-то древнее «волго-окское»⁴ или «сибирское» по происхождению⁵ население. В последних работах Б. А. Серебренникова эта гипотеза осложнена попыткой проследить влияние дофинно-угорского субстрата на развитие пермских языков и доказать, в частности, что сужение гласных и деназализация консонантных групп в пермских языках вызваны субстратным воздействием дофинно-угорского языка *юга*, родственного дофинно-угорскому языку *еньга* (при *еньга* > *юга* вследствие сужения гласных и деназализации).⁶

Б. А. Серебренников выделяет разные хронологические пласты в топонимике русского Севера, относя к более древнему (волго-окскому?) пласту названия на *да*, *ма*, *ша* и др. (*Верда*, *Вяжма*, *Кокша*), которые будто бы были восприняты носителями топонимики на *еньга* и *юга* (например, *Верденьга*, *Кокшеньга*), пришедшими из Западной Сибири и, возможно, связанными с уграми.⁷ Впрочем, поражаясь научной прозорливости создателя угорской гипотезы Д. Еуропеуса⁸, он тут же отмечает, что «создатели гидронимов на *еньга* ... могли не быть уграми по происхождению»⁹, что окончательно затемняет его позицию.

Итак, «дофинно-угорская» концепция неожиданно превращается в «угорскую». При этом Б. А. Серебренников упускает из виду, что «угорский» субстрат не мог вызвать сужение гласных в пермских языках, так как этот процесс в угорских языках не был сколько-нибудь закономерным. Немногим больше и вероятность деназализации консонантных

² Б. А. Серебренников, Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. — ВЯ 1955, № 6, стр. 23.

³ Б. А. Серебренников, О причинах возникновения некоторых специфических особенностей развития древнепермского вокализма и консонантизма. — Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова, Москва 1965, стр. 238—241; его же, Об окраинных говорах и диалектах языка коми. — СФУ I 1965, стр. 99—104; его же, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*. — СФУ II 1966, стр. 59—66.

⁴ Б. А. Серебренников, Волго-окская топонимика..., стр. 19—31.

⁵ Б. А. Серебренников, Топонимические загадки Сибири. — *Onomastica V*, 1959, стр. 101—117.

⁶ Б. А. Серебренников, О причинах возникновения...; его же, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 61—62.

⁷ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 63, 65.

⁸ Д. Еуропеус, К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян. — Журнал мин. народного просвещения 1868, ч. 139, стр. 55—71.

⁹ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 65.

групп в пермских языках под влиянием «угорского» субстрата, поскольку деназализация известна только венгерскому языку. Таким образом, гипотеза Б. А. Серебренникова вступает в вопиющее противоречие с данными финно-угорского языкознания.

Постановка вопроса о нефинно-угорских элементах в топонимике русского Севера сама по себе закономерна.¹⁰ Можно допустить даже, что волго-окская культура ямочно-гребенчатой керамики является дофинно-угорской, хотя археологи еще не решили эту проблему. Спорным остается вопрос о том, имеются ли прибалт.-ф.-пермские элементы в топонимике русского Севера.

Очевидно, что археологические данные не могут способствовать решению этого вопроса, так как посленеолитические культуры Севера не изучены. Однако есть другие исторические факты, с которыми необходимо считаться: летописные сведения о том, что русские встретились на Севере с древним населением — «чудью», рассказы скандинавских мореплавателей о финнах и родственных им биармах, многие сотни, если не тысячи, прибалтийско-финских (включая саамские) и пермских заимствований в русских говорах Севера, наконец, современное лингвотническое положение русского населения Архангельской и Вологодской областей, окруженного финно-пермскими народами. Все эти данные говорят о том, что русские сменили в Заволочье какое-то древнее прибалт.-ф.-пермское население. В статьях Б. А. Серебренникова также имеются указания на наличие прибалт.-ф.-пермского населения на Севере. Он пишет, например, что к приходу русских «так называемое Заволочье уже было занято предками современных карел и весью»¹¹, что «собственно финно-угры (карелы, весь, коми и т. д.) проникли на Север позднее»¹². Однако, признавая, что русские сменили на Севере прибалт.-ф.-пермское население, Б. А. Серебренников ни в одной из своих работ не упоминает о прибалт.-ф.-пермских элементах в топонимике русского Севера. Лишь в одной статье есть намек на их существование: «Что же касается названия *Тоймокары*, то здесь неясно, относится ли элемент его *кары* к коми-зырянскому слову *кар* 'город' или карельскому и финскому *kari* 'утес'».¹³

Но допуская наличие прибалт.-ф.-пермского населения на русском Севере, невозможно объяснить отсутствие на этой территории прибалт.-ф.-пермской топонимики. Даже за несколько сот лет обитания прибалт.-ф.-пермских народов на Севере должна была сложиться прибалт.-ф.-пермская топонимическая номенклатура, охватывающая, как показывают общие закономерности топонимики, не только микротопонику, но и гидронику малых рек. Не случайно на русском Севере, где иноязычный субстратный пласт чрезвычайно мощен, на каждом шагу встречаются русские гидронимические названия, например, в Вологодской области — *Городишна*, *Лодейка*, *Стрелица*, в Архангельской — *Золотица*, *Колодливая*, *Межозёрка* и множество других.

Как же в таком случае могло произойти, что прибалт.-ф.-пермские племена, ассимилированные русским населением в Заволочье, где они обитали не одну сотню лет, а может быть и тысячелетия, не оставили типичной гидроники? Это выглядит особенно странно, если учесть наличие мощного пласта бесспорно прибалтийско-финских микротопонимических элементов (на *пельда*, *немь*, *ранда* и др.) и прибалтийско-

¹⁰ А. К. Матвеев, Субстратная топонимика русского Севера, стр. 77—82.

¹¹ Б. А. Серебренников, Волго-окская топонимика..., стр. 30.

¹² Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 66.

¹³ Там же, стр. 64.

финский облик фонетической системы субстратной топонимики Севера в целом.¹⁴ Поэтому самые распространенные на русском Севере гидронимы с формантами *V + ньга* (*еньга* и др.) и *V + га* (*юга*, *ега* и др.) должны прежде всего сопоставляться с прибалт.-ф.-пермскими названиями рек на *joki, jogi, ju* (< *jug). Это утверждение, конечно, не означает, что все названия такого рода были финно-угорскими по происхождению и что среди них нет дофинно-угорских, которые могли стать финно-угорскими по употреблению, пройдя соответствующую адаптацию.

II

Специфика топонимических исследований субстратных географических названий состоит в том, что на них нельзя механически переносить принципы изучения лексического материала, так как семантика нарицательных, от которых образованы топонимы, в этом случае не известна. Поэтому при изучении топонимики имеют значение только те закономерности, которые абсолютны или проявляются в подавляющем большинстве случаев. Доказать наличие частных факультативных тенденций в языке (или языках), исходя лишь из топонимического материала, нельзя, потому что всегда можно подыскать более или менее близкие по звучанию топонимические единицы, истинного значения которых мы не знаем.

Б. А. Серебrenников, справедливо указывая на факультативный характер деназализации и сужения гласных в пермских языках, считает, что аналогичные тенденции обнаруживаются и в топонимах с формантом *юга*.¹⁵ Поскольку можно думать, что форманты *еньга* и *юга* означают 'река', такое допущение, на первый взгляд, кажется убедительным, тем более, что эти форманты действительно могут быть родственными. Но высказанное предположение повисает в воздухе, так как материал топооснов никаких закономерностей, связанных с деназализацией и сужением гласных, не отражает, что доказываемая приведенными самим Б. А. Серебrenниковым примерами, в которых обнаруживается как «тенденция» к сужению (*Паденьга — Подюга, Пененга — Пинюг, Шарденьга — Шортюг, Ерзенга — Урзуга, Марденьга — Мурдюг*), так и «тенденция» к расширению (*Шиленьга — Шелюг, Каченьга — Качюг, Циленга — Целюга, Лундонга — Лантюг, Сученга — Сечуга, Силенга — Селюга*).¹⁶

Не понятно, что могут дать все эти произвольные комбинации с звуковыми комплексами, при помощи которых решительно ничего нельзя доказать. Фактически нам предлагают верить в наличие деназализации и сужения гласных в языке топонимов с формантом *юга* по единственному примеру (*еньга > юга*), что делает все построение чисто умозрительным.

Складывается впечатление, что Б. А. Серебrenников, не считаясь со спецификой топонимического материала, подбирает любые созвучные названия, лишь бы доказать свои построения (ср. *Шарденьга — Шортюг, Лундонга — Лантюг, Шепленга — Шиблюк*¹⁷). Пользуясь

¹⁴ А. К. Матвеев, Субстратная топонимика русского Севера, стр. 69—70, 71—73.

¹⁵ Б. А. Серебrenников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 61—62.

¹⁶ Там же, стр. 61.

¹⁷ Там же.

его рекомендациями, очень легко в различных топонимических типах обнаружить «родственные» элементы, например, в названиях на $V + \text{кса}$ и $V + \text{ньга}$: *Шелекса* — *Шиленьга*, *Кодекса* — *Куданга*, *Маймакса* — *Мойменьга* («расширение»), *Илекса* — *Еленьга*, *Норокса* — *Нареньга*, *Куржекса* — *Керженга* («сужение»).

Ясно, что метод изучения топонимического материала, допускающий столь свободное обращение с фактами, неизбежно приводит к неувязкам и противоречиям. Чтобы доказать генетическое родство языков топонимики на *еньга* и *юга*, Б. А. Серебренников сравнивает топоосновы в названиях *Анданга* — *Андюга*, *Верденга* — *Вердуга*, *Шиченга* — *Шичуга* и др. Это сравнение, как ему представляется, доказывает родство формантов и наличие перехода *еньга* > *юга*. Но затем оказывается, что «гидронимы типа *Верденьга* и *Якшеньга* образовались на основе *Верда* и *Якша* по той причине, что последние были уже непонятны создателям гидронимики на *еньга*». ¹⁸ Если это так и топоосновы являются субсубстратом, а топоформанты *еньга* и *юга* — субстратом, то как путем сопоставления субсубстратных основ можно доказать генетическое родство субстратных суффиксов?

На методике «звучковых совпадений», к сожалению, основаны все построения Б. А. Серебренникова. Увлекаясь этим чисто внешним, поверхностным приемом изучения топонимического материала, он не учитывает в то же самое время столь важного требования к исследованиям географических названий, как выявление в первую очередь различий, а не сходств между топонимами.

Так, Б. А. Серебренников приводит 38 соответствий между названиями на $V + \text{ньга}$ и названиями на *уга*, *юга*, *уг*, *юг* ¹⁹ (их в картотеке Уральского университета соответственно насчитывается 340, 189 и 76). По мнению Б. А. Серебренникова, это убедительная цифра. Объединим названия на *уга*, *юга* и *уг*, *юг* в соответствии с процедурой, принятой Б. А. Серебренниковым, и получим соответственно 340 и 265 названий. Если исключить такие сопоставления, как *Паденьга* — *Подюга*, *Себрэнга* — *Шубрюг* и им подобные, произвольность которых очевидна, (а их 20 из 38!), то общее количество соответствий для названий на $V + \text{ньга}$ составит всего 5, а для названий на *уга*, *юга*, *уг*, *юг* — 7,5%.

Еще показательнее различия между топоосновами названий (см. табл.). Для сравнения возьмем все топоосновы, зафиксированные в названиях на $V + \text{ньга}$ и на *уга*, *юга* более двух раз, т. е. наиболее характерные для топонимики данного языка. ²⁰

	<i>сельм</i>	<i>печ</i>	<i>явр</i>	<i>юрм</i>	<i>шил</i>	<i>войм</i>	<i>ед</i>	<i>лед</i>	<i>мехр</i>
$V + \text{ньга}$	8	7	6	5	4	3	3	3	3
<i>уга</i> , <i>юга</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	<i>нор</i>	<i>ним</i>	<i>тихм</i>	<i>шадр</i>	<i>шер</i>	<i>явр</i>	<i>уфт</i>	<i>ёж</i>	<i>кич</i>
$V + \text{ньга}$	3	3	3	3	3	3	—	—	—
<i>уга</i> , <i>юга</i>	—	—	—	—	—	—	8	4	4
	<i>роч</i>	<i>немн</i>	<i>урд</i>	<i>цебь</i>	<i>пал</i>	<i>анд</i>	<i>пеж</i>	<i>шич</i>	<i>ел</i>
$V + \text{ньга}$	—	—	—	—	4	3	4	3	1
<i>уга</i> , <i>юга</i>	4	3	3	3	4	1	1	1	5

¹⁸ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 61, 63.

¹⁹ Там же, стр. 61.

²⁰ Учитывались только топоосновы, наличие которых подтверждено фиксацией в картотеке субстратной топонимики русского Севера (например, приведенное Б. А. Серебренниковым *Печуга* в ареале *уга*, *юга* не засвидетельствовано).

Может быть, число соответствий, как впрочем и число различий, несомненно увеличится с выяснением новых фактов и установлением фонетических переходов (ср. *Уфтюга* < *Ухтюга* — *Ухтанга*, *Шилега* < *Шилюга* — *Шиленьга*), но при всем этом обращает на себя внимание специфичность лексических фондов названий на *V + ньга* и *уга*, *юга*.

Таким образом, общих топооснов в названиях на *V + ньга* и *уга*, *юга* совсем не так много, как полагает Б. А. Серебренников. Эти языки родственны, но лишь постольку, поскольку они входят в группу прибалт.-ф.-пермских языков.²¹

Столь же бездоказательно и сопоставление названий на *уга*, *юга*, *уг*, *юг*, а также на *V + ньга* с названиями на *им*, *ым*. Прежде всего вызывает сомнение сам метод сопоставления. Допустимые в пределах одного региона сравнения по типам нельзя с легкостью переносить на топонимику, находящуюся в разных регионах, без учета адаптации. Названия на *им*, *ым* перекрыты коми топонимикой в Коми АССР, русской топонимикой на Северном Урале и обско-угорской в Зауралье (частично они, очевидно, и восходят к обско-угорским языкам), поэтому прямое сопоставление их с названиями на *уга*, *юга*, *уг*, *юг* и *V + ньга* не оправдано, тем более, что в числе 28 сопоставлений Б. А. Серебренникова есть такие, как *Пеленга* — *Пелым* при исходном мансийском *Полум*!

Оперируя всем сибирским материалом, нетрудно, разумеется, найти ему «параллели» в северной и средней полосе Европейской части СССР, как это делает Б. А. Серебренников в ряде своих работ²², но все эти «параллели» свидетельствуют только об относительном единообразии фонетической структуры топонимов в урало-алтайском топонимическом поясе, находящихся к тому же в равных условиях русского усвоения, и однобокой методике исследований, учитывающей только черты сходства и игнорирующей различия. Конечно, интеррегиональные сопоставления возможны, но их нельзя производить без учета специфики географических названий: фактический материал, которым оперирует Б. А. Серебренников, настолько мал по сравнению с территорией исследований и безупречен по качеству, что он не может рассматриваться как база для сколько-нибудь серьезных выводов.

Другие заблуждения Б. А. Серебренникова связаны с недостаточным знанием фактов географии топонимов и их весьма вольной интерпретацией.

Поскольку консонантные группы типа *киш*, *пиш*, *вж*, *лж*, *рж* противопоставляют названия на *V + ньга* названиям на *уга*, *юга*, Б. А. Серебренников пытается доказать, что эти группы возникли при добавлении слова *еньга* 'река' к древним топонимам типа *Шокша*, *Шикша*, *Топша*, *Ковжа*, которые будто бы распространены только в ареале топонимов на *V + ньга* и почти не встречаются в зоне форманта *юг*.²³ Однако это утверждение не соответствует действительности: в зоне *юг* имеются топонимы *Сямжа*, *Кимжа*, *Варжа*, *Муржа*, *Локиша*, *Покша*, а из названий на *V + ньга*, содержащих эти группы, — *Керженга*, две *Шарженьги*, *Якианга*. Оказывается, форманты *юг*, *юга* не могли при-

²¹ Названия на *уга*, *юга*, *ога*, *ега* в западной части ареала, возможно, относятся не к пермским, а к прибалтийско-финским языкам.

²² Особенно в работе Б. А. Серебренникова, *Топонимические загадки Сибири*.

²³ Б. А. Серебренников, *О гидронимических формантах -ньга, -юга, -уга и -юг*, стр. 63. О названиях на *юга* Б. А. Серебренников здесь почему-то не упоминает.

соединяться к более древним топонимам, содержащим консонантные группы с шипящим в постпозиции, зато такой способностью почему-то обладал формант $V + ньга$. Этот вывод был бы приемлем, если бы ареал названий на $V + ньга$, совпавший с ареалом консонантных групп с шипящим в постпозиции, не пересекался с ареалами *юг* и *юга*. В действительности же ареалы *юг* и *юга* строго коррелятивны и не накладываются друг на друга, а названия на $V + ньга$ и двусложные на *a* с консонантными группами в шипящим в постпозиции сосуществуют с топонимами на *юг* и *юга*.

III

Большое внимание в исследованиях Б. А. Серебренникова уделяется так наз. речным суффиксам. Любое часто встречающееся гидронимическое окончание объясняется субстратным словом со значением 'река, вода', а возникающая вследствие этого множественность «речных суффиксов» объясняется существованием ряда обозначений рек (ср. коми-зыр. *ю, ва, шор, ёль*), а также наличием диалектной дифференциации и комбинаторных изменений. Так были выявлены суффиксы *га, ма, ша, ба, ла, ра, са* и др.²⁴

В настоящее время, как уже было указано выше, Б. А. Серебренников различает многосложные и двусложные названия, выделяя в многосложных формативы *еньга, юга, ега*, однако в двусложных топонимах он по-прежнему вычленяет «речные суффиксы» — *да, ма, ша* и др. (*Шар-да, Вяз-ма, Кок-ша*).²⁵

Проблема происхождения двусложных названий и связи их с многосложными очень трудна. Для объективного изучения вопроса было проведено картографирование всех двусложных названий на территории русского Севера и сопоставление их ареалов с ареалами многосложных топонимов. В результате оказалось, что, пользуясь методикой установления «речных суффиксов», внедряемой Б. А. Серебренниковым, можно значительно пополнить их ряды за счет суффиксов *ва* (*Вытва, Кирва, Лова, Сарва, Сова, Това*), *ја* (*Атья, Вадья, Воя, Ея, Куя, Лая, Сия, Устья*), *ка* (*Кика, Лака, Нёка, Тюка, Чака*)²⁶, *па* (*Айна, Лапа, Лона, Нерпа, Серпа*), *ца* (*Емца, Ница, Инца, Чеца, Пица*)²⁷, *ча* (*Оча, Вотча, Еча, Нюрча, Нюхча*), причем некоторые из этих новых «речных суффиксов» встречаются не реже, чем «суффиксы», открытые Б. А. Серебренниковым (ср. *ја* — 57, *ча* — 47 и *ба* — 31, *да* — 52, *жа* — 58, *за* — 43, *ла* — 47, *на* — 52 употребления). В конечном счете оказывается, что «речных суффиксов» в субстратной топонимике Севера почти столько же, сколько в русском языке сочетаний $C + V$ (в функции которого выступает гласный *a*), и что реже встречаются те «речные суффиксы», в которых употребительны согласные, в целом не характерные для интервокальной позиции (*ц, к, п*).²⁸ Уже этого доста-

²⁴ Б. А. Серебренников, *Волго-окская топонимика ...*, стр. 27—28.

²⁵ Интересно, как теперь Б. А. Серебренников будет членить двусложные названия на *га* типа *Айга, Вага, Войга, Ельга, Мурга, Пярга* и т. д., о которых он что-то перестал упоминать?

²⁶ Исключены все топонимы, в которых *ка* может рассматриваться как русский суффикс (*Вашка*).

²⁷ *ца* могло возникнуть на русской почве, но в ряде случаев *ц*, очевидно, восходит к языку-источнику.

²⁸ Из русских согласных не употребляются в «речных суффиксах» *ф* и *щ*, что объясняется спецификой их происхождения. Мало примеров на «суффикс» *ха* (*Лоха, Саха*, ср. еще *Хабуха, Рудоха*).

точно, чтобы усомниться в правомерности выделения «речных суффиксов».

Не менее показательно и сопоставление ареалов: многосложные названия имеют, как правило, свои четкие ареалы, например, названия на $V + sa$ сосредоточены к северу от линии Водлозеро — р. Ледь — устье р. Илеша, топонимы на $V + sha$ расположены к северу от линии оз. Воже — р. Вель — Красноборск, названия на $V + ksa$ — к западу от Северной Двины и Ваги²⁹, а на $V + ksha$ образуют размытый ареал, вытянутый между Онегой и Вагой по направлению от Архангельска к Вологде. Каковы же ареалы двусложных названий? Оказалось, что двусложные названия сравнительно равномерно распространены по всей территории русского Севера и не имеют специфических ареалов. Некоторыми особенностями обладают только топонимы с *жа, ша, за, са*, возможно, отражающие разную фонетическую трактовку спирантов в древних языках Заволочья.³⁰ Ареалы всех остальных «суффиксов» (*ба, ва, га, да, ја, ка, ла, ма, на, па, ра, та, ца, ча*) совпали. Следовательно, эти «суффиксы» нельзя рассматривать как языковые или диалектные корреляты. Разнообразие «речных суффиксов» невозможно объяснить и комбинаторным варьированием, так как все они засвидетельствованы в нейтральном положении после гласного звука: *Яба — Това — Вага — Ода — Вижа — Пёза — Воя — Нёка — Ола — Ома — Ена — Пира — Чуса — Лита — Пица — Оча — Моша*.

Предположение, что в едином субстратном языке было около двух десятков обозначений реки, даже для богатого водами края, является нелепостью, на которой вряд ли кто-нибудь будет настаивать.

При выделении в двусложных наименованиях *га, ма, ша* и прочих допускается еще одна ошибка. Структуры $CVCCCV$ и $VCCCV$ в двусложных названиях на *a* встречаются крайне редко (2%). Подавляющее большинство двусложных названий характеризуется структурами $CVCV$, $CVCCV$ и VCV . Выделение форманта типа CV соответственно ведет к вычленению топооснов со структурами CV , CVC и V . Тем самым допускается существование языка, не имеющего консонантных групп в интервокальном положении, что, во-первых, противоречит наличию консонантных групп в топоосновах многосложных названий, а во-вторых, весьма странно для севера Евразии.³¹ Ссылка на русскую адаптацию, которая могла бы упростить консонантные группы на стыке топоосновы и «суффикса» ($*CVCC-CV > CVCCV$), не имеет доказательной силы, так как трехконсонантные группы самого разного типа в русском языке обычны.

Против построений Б. А. Серебrenникова свидетельствует также отсутствие дискретного употребления в топонимике географических терминов со структурой CV . До сих пор нет ни одного случая фиксации речных названий типа *Ба, Га, Да, Жа, За, Ла, Ма, На, Ра, Са, Та, Ца, Ча, Ша*, тогда как употребление гидронимов *Ега, Ега, Юга, Векса, Икса* и некоторых других засвидетельствовано неоднократно.

Все приведенные аргументы говорят о том, что при анализе двусложных топонимов на *a* вычленение «речных суффиксов» *га, ма, ша* и др. недопустимо. Как же в таком случае произошли названия этого типа? Надо иметь в виду следующие возможные объяснения: 1) иногда двусложные на *a* восходят к географическим терминам в топонимиче-

²⁹ Небольшой островок из семи названий на $V + ksa$ находится на юго-востоке Архангельской области.

³⁰ Вопрос требует дополнительного изучения.

³¹ Такой язык был бы обычен в юго-восточной Азии.

ском употреблении (ср. *Ега, Ёга, Юга, Векса, Икса* и др.), причем в языке-источнике эти термины могли иметь окончание *a* или подверглись русской адаптации; 2) двусложные на *a* могут происходить от других субстратных топооснов на *a* (*Шарда* < **šarda*); 3) распространена адаптация субстратных основ на согласные и все другие гласные, кроме *a* (*Шарда* < **šard*, **šard* + V); 4) возможно синкопирование гласного и превращение трехсложного топонима в двусложный (*Луйга* < **lujuga*, **lujega*).³²

До последнего времени не было способов различения второго, третьего и четвертого случаев. Поэтому практически приходилось считать, что все топонимы такого типа возникли вследствие отпадения лексического детерминатива и адаптации основы русскому типу на *a* (*вода, река*).³³

Проведенное нами картографирование и сопоставление двусложных и трехсложных названий позволило установить, что часть двусложных названий на *га* и *ма* действительно восходит к трехсложным. Важнейший формальный признак этого — смягчение согласного в препозиции (исторически — перед гласным переднего ряда): *Лодьма* < **lodema*, **lodima*. Таким образом, в ряде случаев «речные суффиксы» *га* и *ма* могут восходить к топоформантам с установленным (*ега, юга*) и неустановленным (*ема, има*) значением.

Заметим, что реальное соотношение указанных выше возможностей объяснения генезиса двусложных названий на *a* искажено Е. М. Поспеловым, который считает, что «значительная (разрядка наша — А. М.) часть таких топонимов представляет собой простые географические термины».³⁴

Важность изучения географических терминов в топонимическом употреблении общеизвестна, но необходимо учесть, что в отличие от микротопонимики гидронимики характеризуется сравнительно небольшим инвентарем географических терминов, и поэтому надо проявлять осторожность при отождествлении гидронимов и терминов. Так, нам неизвестны случаи дискретного употребления форманта *енга* (*енга*), о которых говорит Б. А. Серебренников, указывая, что на картах он «встречается в разных (? — А. М.) местах четыре раза».³⁵ В картолке субстратной топонимики русского Севера нет ни одной реки *Енга*. Единственный зафиксированный на карте топоним *Енга* (бассейн Ундозеро Архангельской области) при проверке оказался ошибкой. В действительности эта река называется *Енза*.

С проблемой «речных суффиксов» тесно связан вопрос о русской адаптации субстратных топонимов. Здесь альтернатива особенно определена: если признать регулярность адаптации, то надо отказаться от

³² А. К. Матвеев, О древнем расселении самодийцев по данным топонимики, стр. 105—106.

³³ Там же.

³⁴ Е. М. Поспелов, Географическая терминология в анализе субстратной топонимии. — Местные географические термины в топонимии (тезисы), Москва 1966, стр. 14—15. Здесь Е. М. Поспелов по существу смыкается с позицией Б. А. Серебренникова по вопросу о «речных суффиксах», утверждая, что «чисто формальный формантный анализ... сводится к анализу географических терминов». Насколько эффективен этот метод, можно судить по результатам: Б. А. Серебренников считает субстратную топонимику русского Севера дофинно-угорской, а Е. М. Поспелов — финно-угорской.

³⁵ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга, -юга, -уга* и *-юг*, стр. 61.

методики «речных суффиксов», если настаивать на существовании «речных суффиксов», то приходится отрицать регулярность адаптации.

Полемизируя со своими противниками, Б. А. Серебренников вынужден был отвечать на вопрос, почему в субстратной топонимике так много речных названий на *a* и не являются ли эти названия результатом русской адаптации (к существительным женского рода типа *река, вода*).³⁶ Б. А. Серебренников даже иронизирует над вездесущим русским *a*, «без которого такая гидронимика будто бы никак не могла обойтись».³⁷

Справедливо указывая на то, что названия на согласный при заимствовании подводятся под тип склонения мужского рода *стол* (*Шиес, Юг, Нондрус*), а названия на *a* закономерно включаются в тип склонения женского рода на *a*, Б. А. Серебренников в то же время утверждает, что «адаптации в названиях рек на *ma, ga, sha, ta* и т. д. могли носить только единичный и случайный характер».³⁸

Однако морфологическая адаптация, как и субституция, — средство приспособления иноязычного материала к усваиваемому языку. Поэтому факты адаптации в основном регулярны. Это, кстати, и доказывается закономерностью соотношения названий на твердые согласные и гласный *a* с аналогичными лексико-грамматическими моделями русского языка.

Значение адаптации для рассматриваемого вопроса ясно уже из того, что в субстратной топонимике русского Севера нет названий рек, которые в исходе имели бы какой-либо другой гласный, кроме *a*. Поэтому приходится констатировать, что субстратная топонимика характеризуется весьма своеобразной чертой — отсутствием всех других гласных в абсолютном исходе гидронимов. Но ведь именно эта «своеобразная черта» — характерный признак как исконно русской гидронимии, так и названий, усвоенных русским языком. Наоборот, в финно-угорских, самодийских и тюркских языках в абсолютном исходе гидронимов весьма обычны другие гласные (ср. фин. *joki*, кар. *jogi*, коми-зыр. *ju* 'река' и т. д.). Таким образом, возникает весьма странная ситуация: топонимика, имеющая все признаки русского усвоения, объявляется неадаптированной. Поверить в то, что какой-то субстратный язык обладал теми же закономерностями употребления гласных в исходе гидронимов, что и русский, невозможно. Очевидно, Б. А. Серебренников упускает из виду тот важнейший случай адаптации, когда слово не просто подгоняется под русскую норму (*Нондрус* → *стол*, *Токша* → *роща*), а фонетически преобразуется: **jogi* > *Ега*. Такая переработка конца субстратного слова в высшей степени типична для русского языка: на всей территории нашей страны, там, где давно живут русские, нет речных названий на гласные *и, у*, гидронимы на *e, o* крайне редки, а названия на *a* обычны. Не будет же Б. А. Серебренников настаивать на том, что во всех языках, предшествовавших русскому на той или иной территории Европейской части СССР и Сибири, гидронимы могли иметь только один вид гласного окончания. Русская адаптация воистину стала тем фатальным фактором, который принуждает Б. А. Серебренникова повсюду обнаруживать самые разнообразные «речные суффиксы» со структурой *C + V*.

³⁶ Б. А. Серебренников, О методах изучения топонимических названий. — ВЯ 1959, № 6, стр. 47.

³⁷ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга, -юга, -уза* и *-юг*, стр. 63.

³⁸ Б. А. Серебренников, О методах изучения топонимических названий, стр. 47.

В настоящее время засвидетельствовано множество примеров доказанной русской адаптации именно того типа, который здесь рассматривался. Сравните русские названия рек *Пышья, Кордя, Кузья, Шудья, Урья* и соответствующие им коми-пермяцкие *Пышью, Кӧрдыю, Кузью, Шудью, Урью*³⁹, рус. *Мысья* и коми-язьв. *Мӧсью*⁴⁰, фин. *Vuoksi* и рус. *Вуокса* и т. д.

Только непониманием закономерностей русской адаптации можно объяснить следующие рассуждения Б. А. Серебренникова: «Каким же образом русские крестьяне в условиях лесной труднопроходимой местности, отдаленные друг от друга на сотни километров, точно сговорившись, могли переделать названия рек типа *Vojman jogi, Kesten jogi, Paden jogi* по совершенно одинаковому шаблону в названия *Войманга, Кестеньга, Паденьга*, не оставив ничего от первоначального состояния». ⁴¹ А с каких пор — уместно задать встречный вопрос — фонетические и морфологические закономерности усвоения языка стали обуславливаться плотностью населения и состоянием путей сообщения?

IV

Мысль о существовании дофинно-угорского пласта в топонимике русского Севера сама по себе плодотворна, однако методика топонимических исследований, которой пользуется Б. А. Серебренников, противоречива, а полученные им результаты, как правило, опровергаются последующим анализом топонимического материала.

Изучение микротопонимических типов и фонетический анализ субстратной топонимики русского Севера свидетельствуют о том, что до-русским населением Заволочья были в основном прибалтийско-финские племена. ⁴² Сложнее вопрос о пермских элементах, однако целый ряд бесспорных корреляций коми-зырянского ю 'река' с формантом юга доказывает, что по крайней мере в восточной части ареала названия на юга восходят к пермским источникам. В виду особой важности этих корреляций приводим их с ссылкой на источник: коми-зыр. *Нювью* (приток Пинеги) — рус. *Нювюга* (Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961, стр. 251), коми-зыр. *Мошью* (приток Ижмы) — рус. *Мошьюга* (Коми-русский словарь, Москва 1961, стр. 833). Корреляция коми-зыр. *Латью* (приток Мезени) — рус. *Латьюга* засвидетельствована на топографической карте. ⁴³ Поверить в то, что окончание *га* было механически добавлено русскими при усвоении коми-зырянской топонимики на ю, не представляется возможным хотя бы потому, что в русском языке, как подметил Ю. А. Карпенко, ни один заимствованный суффикс не приобрел топонимической активности. ⁴⁴

³⁹ А. С. Кривошекова-Гантман, Гидронимика коми-пермяцкого округа. — Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3. К 70-летию профессора В. И. Лыткина, Москва 1966, стр. 39.

⁴⁰ В. И. Лыткин, Коми-язьвинский диалект, Москва 1961, стр. 147.

⁴¹ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга, -юга, -уга* и *-юг*, стр. 60.

⁴² А. К. Матвеев, Субстратная топонимика русского Севера, стр. 69—74.

⁴³ Замечательно также название одной протоки в нижнем течении Печоры — *Важуг*, что означает 'Старая река' (ср. часто встречающиеся рус. *Староречье, Старица* и т. д.).

⁴⁴ Ю. А. Карпенко, Становление восточнославянской топонимии. Изучение географических названий (= Вопросы географии 70), Москва 1966, стр. 13.

Известно, что наибольшей доказательной силой обладают не отдельные топонимические этимологии, а их ряды, серии, которые и следует рассматривать. Б. А. Серебренников не может опровергнуть большое количество этимологий из пермских языков⁴⁵, выхватывает из серии отдельные этимологии и пытается поставить их под сомнение с точки зрения этимологической интерпретации, приходя к выводу, что «этимологизация гидронимов, производимая А. К. Матвеевым, часто обнаруживает незнание им истории пермских слов».⁴⁶ Между тем примеры, приведенные Б. А. Серебренниковым (*Изюга*, *Рочуга*), не подтверждают этого претенциозного вывода.

Б. А. Серебренников утверждает, что в общепермском языке камень назывался *ки*, а не *из*, но, во-первых, доказательства этого шатки, во-вторых, свидетельства всех живых пермских языков единогласно говорят о том, что именно слово *из* в общепермском языке означало 'камень' (коми-зыр., коми-перм., коми-язьв., удм. *из* 'камень')⁴⁷, и, следовательно, предположение Б. А. Серебренникова противоречит объективным данным финно-угорского языкознания, а в-третьих, если даже допустить, что слово *из* 'камень' появилось в таком значении уже после распада общепермского языка, то и это никак не свидетельствует против выдвинутой этимологии, поскольку топоним *Изюга* (приток *Пинеги*) мог быть усвоен русскими не раньше XI—XII веков, а общепермский язык, по авторитетному суждению В. И. Лыткина, существовал до IX—X веков.⁴⁸

Никак не доказывается и рассуждение о том, что слово *роч* в древности означало чужеземца любого происхождения. Если даже согласиться с тем, что оно заимствовано из карельского языка и первоначально имело значение 'швед, норманн', то и это не опровергает предложенную этимологию (*Рочуга* < *роч* 'русский'), поскольку русские осваивали северо-восточные окраины Двинской земли значительно позднее походов скандинавов в Биармию (IX—X вв.) и во всяком случае уже тогда, когда слово *роч* могло относиться к русским (XI—XIII вв. и позднее).

Анализ всех видов — типологический, лингвогеографический, фонетический и этимологический — указывает на то, что верхний пласт субстратной топонимики русского Севера в целом был прибалт.-ф.-пермским по употреблению, а частично и по происхождению.

⁴⁵ А. К. Матвеев, Историко-этимологические разыскания, стр. 113—115; его же, Субстратная топонимика русского Севера, стр. 71—77; его же, О некоторых севернорусских топонимических типах, стр. 76, 80—83.

⁴⁶ Б. А. Серебренников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*, стр. 62.

⁴⁷ Эту точку зрения разделяет и В. И. Лыткин (в письме к автору).

⁴⁸ В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка, Сыктывкар 1957, стр. 24.

A. K. MATVEJEV (Sverdlovsk)

THE PRE-FENNO-UGRIC HYPOTHESIS AND SOME
METHODOLOGICAL POINTS OF TOPONYMICAL RESEARCH

The paper deals with B. A. Serebrennikov's hypothesis of the pre-Fenno-Ugric origin of the substratal hydronymics of the Russian North; some relevant methodological points of toponymical research are discussed as well. The author comes to the conclusion that in analysing toponymic material B. A. Serebrennikov does not take into consideration its specific features and makes some mistakes in classifying this material. B. A. Serebrennikov distinguishes some "river suffixes" which do not really exist, disregards the Russian adaptation and ignores the results of the phonetic and etymological analysis of toponyms. Everything considered, B. A. Serebrennikov's conception of the pre-Fenno-Ugric origin of the entire substratal hydronymics of the Russian North can hardly be correct. The hypothesis of the formant *юга* originating from *еньга* is equally wrong and is not supported by a single sound argument. The paper supplies some new evidence in favour of the Fenno-Permian origin of the upper layer of the substratal toponymics of the Russian North.